

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
Серия ВЫПУСК № 84 (1690)

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья Т. Гуровой и П. Скоробогатого «Остановиться в полупериферии», опубликованная в журнале «Эксперт», № 26, 24-30 июня 2019 г.

Вологда
июль 2019

Остановиться в полупериферии

За эфиром прямой линии сформировалась новая повестка: как вернуть экономический рост, сохранить государство и определить горизонт амбиций

В политическом календаре Владимира Путина уже многие годы фигурируют три отчетно-сигнальных мероприятия, которые формируют его коммуникацию с элитой, экспертным сообществом и населением – соответственно послание Федеральному собранию, пресс-конференция и прямая линия. Во времена патриотической консолидации границы адресатов начали стираться: то ли простые люди стали умнее, то ли российская элита разделила народные чаяния. Но разработка новой подлочки с ядерной боеголовкой в равной степени будоражили воображение что депутата, что бригадира с Уралвагонзавода, а несправедливые санкции одинаково печалили и олигарха, и работника бюджетной сферы. Еще шутка была популярная: «Владимир Путин – как зеркало. Либералы в нем видят либерала, консерваторы – консерватора, украинцы...» и так далее.

Все перевернула задача «прорыва», которую одни восприняли как шанс остановить многолетнее падение доходов, а другие – как возможность найти себя в мутном транзитном безвременье. Выйти же из освоенного коммуникативного формата оказалось делом нелегким: какое послание без слайдов с ракетами, а прямая линия – без чиновничьего корвалола и бригад журналистов со следователями, которые летят наперегонки к месту очередного беспредела. И вот Владимир Путин столкнулся с сигнальной дилеммой: этим, понимаешь, «прорыв», а другим – стабильность. Населению надо объяснить, в чем разница в зарплате пожарного в десять тысяч и минимальным прожиточным минимумом в одиннадцать тысяч с копейками. Охранителей надо успокоить по делу Ивана Голунова. Либералов не отдать на съедение охранителей. Старой бюрократии гарантировать предпенсионные места, а «Лидерам России» показать горизонты. Да еще рейтинг поднять и объяснить кому надо: не дождетесь.

Оттого в эфире рабочая атмосфера без традиционных шуток и предельно мозаичные четыре часа программы. И консервация законсер-

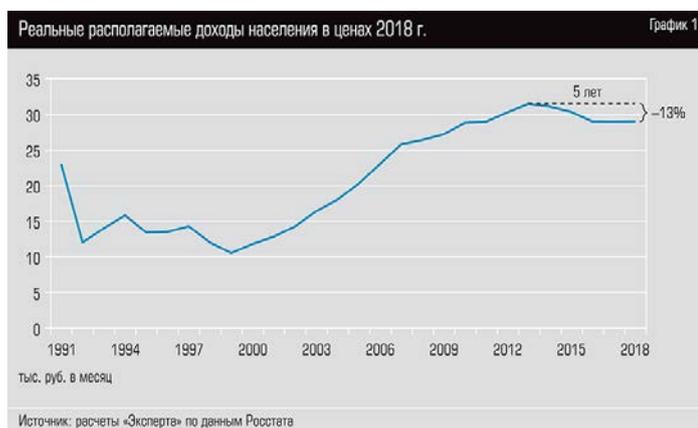
вированного: менять ничего не надо, все работает, а там, где работает плохо, – просто плохо работают товарищи в погонах, прошу обратить внимание. Врачи боятся выписывать обезболивающее? «Нужно просто выработать систему отчетности и фиксации». По 228-й подбрасывают наркотики? Наказать подбрасывающих. Нет выборов на местах? Есть, только не прямые, идите в местные советы и выбирайте.

Отлегло у должностных лиц: президент демонстративно отказался от публичного «разбора полетов», разве что пару раз по-отечески пожурил правительство. Похоронил амбиции Павла Грудина, указав тому на зарубежные счета. Жестко отстоял экономический курс, сославшись на то, что экономисты 1990-х закончились, а новых, видимо, еще не подвезли. Из пассажа про Алексея Кудрина, который по своим воззрениям «дрейфует в сторону Сергея Глазьева» и хочет распечатать «нашу нефтяную кубышку», мы узнаем, что Путин все же ознакомился с альтернативным взглядом на экономическое развитие страны, но предпочитает «оставить споры экономистам». А еще президент зачем-то запустил в народ новый мем «банда патриотов из «Единой России», когда сам выбрал такой вопрос и попытался защитить соратников. Тот случай, когда в памяти останется не ответ.

Можно ли было провести иную коммуникацию на фоне фрагментированной повестки и множественности сигналов? Включить «замусоренный» Шиес или взволнованный храмом Екатеринбург? Обсудить высокие налоги, фильтр на выборах, дорогой бензин, долголетие премьера? Организаторы посчитали такую смесь излишне взрывоопасной, а отдельные конфликты общества и государства последних месяцев – локальными инцидентами, не волнующими «глубинный народ» в целом. Взамен зрители получили проблему водопровода в коттеджном поселке близ Тюмени, которую зачем-то подвесили едва ли не главной интригой всего эфира. Кажется, даже президенту было неловко попасть в центр такой бытовой разборки, хотя он и отчеркнул тему заготовкой: «Если пробле-

мы касаются судеб конкретных людей, то я не считаю их мелкими».

Сегодня даже критика в адрес формата прямой линии устарела и стала моветоном. Жанр, надо сказать, на любителя, но своего преданного зрителя передача имеет. Попасть «на прием» к президенту – как вырвать лотерейный билет... Кому водопровод, кому – заказы на сырную продукцию или антивирусную программу, а кто-то будет рад и следователей направить к ненавистному начальству. Системных проблем «линия» не решает по определению и сценарному плану. Можно покритиковать режиссеров, которые честно и неудачно пытаются из года в год добавить ей живинки: прямые включения, блогеры, подключения министров и губернаторов. Но проблема, похоже, комплексная.

Новая консолидация

Рискнем предположить, что обозначенные выше вопросы лишь часть новой повестки, которая начинает постепенно консолидировать российское общество, пока с надеждой попасть в орбиту президента, но все чаще без реакции от него или его команды. В стороне от этих вопросов остается и публичная российская элита. После победы Владимира Путина на выборах в 2018 году мы писали, что «элита не понимает или недооценивает всех рисков, накопленных в обществе. Ей кажется, что убедительная победа президента дает ей карт-бланш двигаться в целом с тем же темпом и управлять теми же методами... Но если каждый месяц, каждый квартал, каждые полгода мы не будем чувствовать, что страна растет, внутренне развивается, накапливает силу, то каждый месяц, каждый квартал и каждые полгода мы будем все быстрее терять тот

капитал консолидации, который приобрели 18 марта 2018 года. И растратим его много раньше 2024 года. Двух лет окажется достаточно».

Прошло полтора года, и наши прогнозы близки к реальности. Элита вошла в транзитный период с твердой уверенностью дотянуть следующие президентских выборов с накопленной подушкой безопасности в виде гигантского профицита бюджета. Но, похоже, борьбы в комфортных условиях не получится – мы сваливаемся в межэлитные войны на очень сложном социально-экономическом фоне. В этом сценарии российское общество будет расколото прежде всего вопросами выживания. Но еще есть время услышать новую консолидирующую повестку. Нам кажется, она формируется вокруг следующих вопросов.

Экономический рост. Бедность как следствие внешней конъюнктуры больше не воспринимается населением как убедительная догма. В свою очередь именно неспособность обеспечить экономический рост за счет внутренних резервов является основным поводом обвинить номенклатуру в неэффективности.

Длительный период падения реальных доходов населения накладывается на консенсусный экономический рецепт одних и тех же операторов экономической политики, монополизировавших дискуссию о национальном развитии. Точнее, и дискуссии никакой нет: ни Центробанк, ни Минфин, ни элита на ПМЭФ даже не говорят о кризисе.

Роль государства. Неоднозначная пенсионная реформа, заложившая мощный фугас в отношения власти и общества, вывела на повестку дня куда более широкий вопрос о роли государства в жизни современного человека. Находясь в глубокой экономической депрессии, Россия зачем-то подхватила мировой тренд на постепенный отказ от социальных обязательств, усилив позже этот тренд увеличением налоговой и регуляторной нагрузки. И тогда у общества возникли новые вопросы: если элиты, советуясь с народом, отказывают в исполнении давних договоренностей, то сохранится ли оставшийся функционал государства – обеспечение безопасности, движение к равным возможно-

стям граждан, определение стратегического вектора развития страны?

Примерно здесь возникает вопрос о роли государства в перераспределении денежных средств и определении своей стратегии на внутреннем и мировом рынках. Поскольку сегодня накопления, по сути, изымаются у населения в виде налогов и обязательных платежей, частично оседая на счетах госмонополий и в убыточных для страны иностранных облигациях, и никоим образом не способствуют экономическому росту или диверсификации хозяйства, все чаще поднимается тема иждивенчества части элит, подменивших стратегию развития государства задачами собственного обогащения.

Горизонт амбиций. Планирование становится уделом фантастов. Многочисленные наши респонденты – что в экспертной среде, что среди чиновников или бизнесменов – отмечают крайне низкую уверенность в завтрашнем дне – причем в прямом смысле, речь не о десятилетиях и даже нескольких годах. Предприятия отказываются от инвестиций, чиновники – от амбиций, население – от потребительских расходов. Отсутствие горизонта – следствие отсутствия национальной идеи развития. Мы как страна совершенно потерялись в этом многополярном мире, хотя еще шесть лет назад, казалось, внезапно обрели «корни», вспомнив о русской культуре, истории, языке. Корней оказалось мало, нужна тяга к жизни и вспаханная грядка. Вооружившись современными ракетами, мы внезапно уперлись в потолок внешнеполитической риторики и обнаружили, что, по существу, нам разговаривать не с кем и не о чем. Это у Трампа с Китаем война торговая, а с нами – холдная, то есть без жизни и поводов для диалога.

Экономический фон – стагнация

Экономический фон, на котором проходила прямая линия президента, был, прямо скажем, неблагоприятный. Более того, он был заметно хуже того, что ожидали в Кремле год назад, рассчитывая на своевременный старт национальных проектов.

Оценим всего три показателя.

На графике 1 представлена динамика реальных доходов населения РФ с 1991 по 2019 год. Как видно из графика, с 2013 года мы переживаем период снижения реальных доходов. Интегрально они снизились на 12%. Это не так много, как было в катастрофических 1990-х (тогда доходы снизились более чем вдвое), но нельзя не заметить, что по продолжительности это уже те же шесть лет. Очевидно, что этот фактор оказывает крайне негативное влияние не только на социальное самочувствие, но и на перспективы ускорения экономического роста. Ведь вопреки легенде о том, что рост 2000-х был связан прежде всего с ростом нефтяных цен и экспортом, он был в то же время поддержан и ростом внутреннего рынка (как за счет девальвации и ухода импорта, так и за счет роста доходов населения), и притоком капитала в Россию, в динамику которой тогда поверили как внутренние, так и внешние инвесторы.

Нельзя перестать удивляться тому, что столь длительная стагнация реальных доходов не представляется проблемой ни для действующего кабинета министров, ни для ЦБ. Мы не можем вспомнить за все последние годы ни одного совещания, материала или хотя бы явно высказанной озабоченности этим экономическим фактом. Обсуждение проблемы, которая является проблемой роста, замещается социально ориентированными разглагольствованиями по поводу бедности.

В оперативном смысле еще более тревожной выглядит динамика реальной денежной массы М2 (см. график 2). Этот индикатор уже многие годы служит отличным предвестником как наступающего кризиса, так и роста. Как можно заметить из графика, во всех без исключения кризисах – 1998, 2008, 2014 год – темпы роста реальной денежной массы в течение не-

скольких месяцев до кризиса начинали стремительно сокращаться, приближались к нулю, а в кризис уходили в минус. Ни один другой показатель так хорошо не измеряет текущее состояние экономики, как М2. При этом можно сказать и обратное: эмпирически установлено, что для хорошего быстрого роста в России темпы роста реальных денег должны находиться в диапазоне от 15 до 20% годовых. Мы видим, что, несмотря на огромные усилия по очистке банковской системы (чтобы деньги не уводили куда не надо), контроля инфляции (чтобы была предсказуемость), накопление резервов (чтобы Россия казалась надежной как заемщик), экономическим властям не удалось в период после 2014 года создать условия для роста денежной массы выше 9% в год. Что касается текущего момента, то начиная с января мы наблюдаем стремительное приближением темпов к нулю: январь – 5%, февраль – 4%, март – 3%, апрель – 2%. Это означает, что мы входим в острую фазу кризиса, так как хотя бы для нормального денежного оборота без роста, просто за счет не мгновенной скорости обращения денег, сезонности и календарности налоговых платежей и проч, требуется рост реальной М2 на уровне +3–4% к имеющемуся темпу роста ВВП. Два процента уже создают оперативный дефицит денежной ликвидности.

Можно уверенно сказать, что экономические власти возразят нам: динамика М2 является следствием широкого набора факторов, способствующих кризису, а не его причиной. И что управлять ею нельзя – сколько может экономика втянуть денег, столько и втягивает. В современном мире это не так. Развитые финансовые системы позволяют властям вливать деньги в экономику через рынок ценных бумаг (выкуп облигаций) и валютный рынок (скупка валюты). Но у нас эти каналы очень узкие. Рынка ценных бумаг нет, а те игроки, которые имеют облигации, одновременно имеют и доступ к кредитам. Грубо говоря, что толку скупать облигации «Газпрома» – и сам «Газпром», и их основные владельцы в деньгах не нуждаются. А неожиданный подарок ЦБ, скорее всего, пристроят в офшоре. Скупать облигации Минфина тоже

смысла нет – бюджет и так профицитный, и дополнительные деньги будут просто морозиться. Что касается валютного рынка, то в текущей ситуации обвалить рубль еще очень рискованно, хотя вероятность такого развития событий за неимением лучших вариантов вливания денег надо рассматривать как высокую.

Между тем стоит обратить внимание уже на то, что деньги перестают втягиваться в экономику не на пустом месте. На самом деле удивительно, как оперативно система отреагировала на однозначно негативный для нее эффект – повышение НДС без старта нацпроектов. Практически мгновенно. Конечно, ЦБ объясняет президенту, что НДС должен был сказаться на инфляции, и это произошло, но уже прекратилось, и т. д. Все это Путин сказал на последнем ПМЭФ. А что же с ростом, с ликвидностью, со здоровьем системы. Кто виноват?

А ведь произошла очень простая вещь. Рост НДС – однозначный сигнал падения маржинальности бизнеса и дальнейшего падения спроса. Заместить его должны были нацпроекты. Они притормозили. Спроса нет и не предвидится в ближайшее время. А если и предвидится, то непонятно, по каким правилам он (в большой части иницируемый государством) будет перераспределяться. Когда еще власти выполняют завет Грефа и улучшат систему госуправления? Для большинства хозяйствующих субъектов возникла ситуация полной неопределенности на непонятный срок.

Эру растерянности фиксирует третий показатель – итоги первого квартала по ВВП. Он оказался слабее всех самых плохих прогнозов. Ждали 1,2–1,5%, а получилось всего 0,5% (см. график 3).

Кому нравится такой расклад? Американская RAND Corporation в недавнем докладе о состоянии дел в России отметила: в том, что касается экономической политики, никаких специальных мер принимать не надо: жесткая денежная и налоговая политика России не позволит ей когда-либо организовать экономический рост.

Кто первым доложит об этом президенту?

Она не работает

Сегодня те, кто наблюдает растущую бедность и прочие социальные неприятности, задаются вопросом: где точка невозврата, близко ли, что будет, если мы к ней подойдем? Чтобы разобраться с этим, мы решили определить точку возврата – куда мы должны/хотим вернуться, по отношению к чему мы можем преодолеть некий порог невозврата.

Если судить об этом с позиции среднестатистического частного хозяйствующего субъекта, то было бы здорово вернуться в 2006–2007 год. Бурный экономический рост, рост экспорта и внутреннего рынка, большая доля частного сектора, крепкая, хотя и уже немного тяжеловатая национальная валюта. Большая доля частных банков, худо-бедно работающих со средним бизнесом. Появление широкого круга инновационных компаний, опирающихся на еще советские оригинальные разработки. Большой, по сравнению с нынешним, фондовый рынок, позволяющий как-то обмениваться активами внутри страны. И, очень важно, низкий по сравнению с текущим уровень налогообложения. Может быть, слишком «розово», но из 2019 года 2007-й выглядит так.

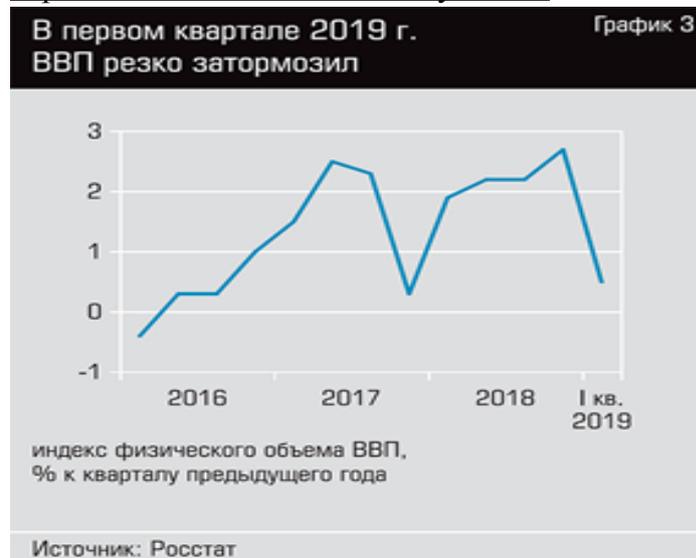
Однако если считать, что желанная точка возврата – 2006–2007 год, то точку невозврата мы прошли очень давно – в 2012–2013-м.

Теперь надо обозначить ключевые структурные изменения экономической системы, которые отличают то время от нынешнего. И дело не в судах, полицейских и количестве проверок частного бизнеса. Эти гуманитарные проблемы увели нас от существа дела. Не зря американцы пишут о проблемах русской денежной и налоговой политики.

Представим себе наше хозяйство как совокупность действий трех агентов: государства, бизнеса и домохозяйств. К государству мы относим бюджет, госкомпании и госбанки. Бизнес – частные компании и частные банки. Домохозяйства – то, что в политике называют «населением». Все три агента участвуют в денежном обращении, в производстве и перераспределении добавленной стоимости. Но права и воз-

можность регулировать свое участие в этом у всех принципиально разные.

Естественно, главным является государство. Оно и производит, и изымает у других часть добавленной стоимости, руководствуясь некими государственными целями. При этом государство как хозяйствующий субъект для других частей системы – черный ящик. Никто не знает, сколько добавленной стоимости оно производит, как перераспределяет. Внутри государства идут свои разборки: госкомпании не хотят делиться дивидендами с правительством, они же все время хотят более низких налогов, но ни домохозяйства, ни частный бизнес к этим конфликтам и диалогам никакого отношения не имеют. Политическая система не предполагает участия граждан в оценке эффективности государства как экономического субъекта.

Бизнес находится совершенно в другом положении. Он открыт для всех. При этом, будучи важнейшим производителем добавленной стоимости в стране, в этом своем качестве он государство не интересуется. Из всего объема добавленной стоимости, которую производит бизнес, государство в первую очередь волнуют налоги – сколько и вовремя ли платят. Во вторую, с огромным отрывом от первой, – зарплаты работников и уже в самую последнюю – прибыль бизнеса. И это, конечно, огромный порок нашей экономической политики, так как именно прибыль является базовой причиной того, что деньги «втягиваются» в экономику и почему начинается или прекращается экономический рост. Но

для государства прибыль частного бизнеса – это деньги, от которых никому никакого толка нет.

Домохозяйства для государства – это население. Как участник делового оборота, создающего спрос, они государство не интересуют. У нас даже термин такой не прижился – «домохозяйство». Государство они интересуют прежде всего как потребители социальных выплат. Правда, в новые времена население стали подталкивать к тому, чтобы оно стало бизнесом и активным налогоплательщиком.

До кризиса 2008 года между этими агентами сложились определенные пропорции в производстве и распределении общенациональной добавленной стоимости, которые, видимо, были гармоничны, так как обеспечивали экономический рост.

В 2008 году все изменилось. Элита, которая сама организовала «золотое» семилетие, впервые столкнулась с жестким кризисом и пережила шок. В первые же месяцы кризиса были проявлены все ее приоритеты, которые за последующие восемь лет сложились в нынешнюю экономическую политику.

Осенью 2008 года по инициативе действующего министра финансов Алексея Кудрина было принято решение о повышении страховых взносов. Россия тогда была единственной страной из столкнувшихся с кризисом, которая в ответ на кризис повысила налоги на бизнес. Все остальные страны налоги снизили. Скорее всего, главным мотивом был страх вернуться к невозможности платить пенсии, поэтому имеющуюся в наличии добавленную стоимость без оценки последствий сразу же перераспредели через бюджет в пользу населения.

Вторым элементом новой экономической политики стали крупные проекты – Олимпиада, чемпионат мира по футболу и адресная поддержка крупных предприятий. В целом они работали неплохо. Экономика стала выбираться из кризиса к 2012 году. Но этот стиль привел к быстрому росту роли государства в экономике как распределителя средств, никому не подотчетного с точки зрения эффективности. Тем не менее в 2012 году на фоне нового периода роста возможность возврата к прежнему режиму, бла-

гоприятствующему частному бизнесу, казалось еще высокой. Однако это была иллюзия.

Считается, что возврат к рыночной модели не произошел из-за санкций. Если так, то это показывает, насколько государство чувствовало себя зависимым и нуждающимся в иностранных деньгах. Чтобы остаться кредитоспособным и избежать второго дефолта, государство решило всеми силами наращивать резервы и бюджет, для чего ему потребовался полный контроль над банковской и, шире, финансовой системой. Именно тогда, в 2013–2014-м, когда было принято решение о ненужности диверсифицированного частного финансового рынка, и случилась точка невозврата. Фактически было решено, что государство как экономический агент может все сделать само – произвести добавленную стоимость, перераспределить ее, чтобы хватило и бюджету, и в резервы, и на инвестиции, и на льготы неимущим. Частный бизнес оказался ненужным, но, так как он продолжал существовать, единственным его предназначением стало пополнение бюджета налогами, а его прибыль, способность к инвестициям никого совсем не интересовала.

Экономическая модель с абсолютным доминированием государства как хозяйствующего субъекта не показала своей работоспособности ни в один год в период с 2014-го по текущий. Об этом свидетельствуют и постоянно низкие темпы роста ВВП, низкие темпы роста М2, стагнация реальных доходов. То есть у нас уже пять лет длится эксперимент с неудовлетворительным результатом, однако признать слабость этой системы никто не хочет. Напротив, по мере затягивания стагнации в орбиту интереса государства попадают и домохозяйства. Столкнувшись с невозможностью увеличивать бюджет в отсутствие роста, государство взглянуло на население как на хозяйствующий субъект. Но вопроса о том, какого размера спрос может предъявить это население и хватит ли этого спроса для раскручивания машины роста, не возникло. Решили поделить то, что имеется. Появились новые налоги, понятие самозанятых, пенсионная реформа.

Национальные проекты стали естественным продолжением роста роли государства в экономике, вплоть до ее полного покрытия. Однако оказалось, что государственная система не способна с ними справиться по крайней мере быстро: у нее нет ни субъектов-компаний, которые могут работать в проектах (их надо создавать), ни экспертизы для их разумного планирования, ни готовности рисковать хотя бы своей карьерой. В результате государственная машина продолжает все более результативно выкачивать деньги из частного сектора, накапливает резервы для будущих побед, замораживая их, а экономика останавливается.

Впрочем, Путин на прямой линии убежденно сказал, что нацпроекты стартуют и экономика разгонится. То есть президент не видит проблем в сложившейся структуре экономики с подавляющей ролью государства и приближенных к нему компаний. Так что остальным участникам процесса остается только ждать.

В шаге от периферии

В период подъема 2000-х динамика российской экономики питалась остаточной мощью СССР и энергией нового явления – рынка. В совокупности эти два фактора плюс отличное развитие мировой экономики обеспечили мощный подъем, который позволял рассчитывать, что нам удастся сохранить за собой место полупериферии глобальной мировой экономики. С определенным набором технологических и идеологических компетенций.

Конечно, место полупериферии и так было отступлением с прежних позиций. В статье, опубликованной в «Эксперте», французский социолог Иммануил Валлерстайн, автор концепции миросистемного анализа, писал, что Россия всегда была полупериферией западной миросистемы. Однако СССР вплотную приблизился к положению центра, со своим кругом влияния и со своим набором механизмов и, если так можно выразиться, товаров влияния.

Отказ от СССР и активное стремление постсоветских элит к слиянию с Западом, естественно не позволяли рассчитывать на роль центра, но мы считали себя достаточно компетентными, чтобы остаться сильной полупериферией западного мира – тоже со своим кругом влияния и своими механизмами.

Однако десятилетие стагнации отбросило нас еще дальше: теперь мы находимся на рубеже между полупериферией и периферией, с явной тенденцией к закреплению в положении периферии.

Эти две позиции в миросистеме имеют принципиальные отличия. Периферия – чисто ресурсный придаток центра, ему достается минимальный объем добавленной стоимости всей миросистемы, он находится в сугубо подчиненной роли, исправно платит дань центру, не участвует в технологическом развитии системы.

Полупериферия, напротив, не имея достаточной мощи для того, чтобы конкурировать с центром, является зоной развития миросистемы. Как пишет Валлерстайн, именно в полуперифериях возникают и продвигаются важные для всей миросистемы инновации – экономические, социальные, технологические. Собственно, рождение СССР и было такой полупериферийной инновацией европоцентричного мира рубежа XIX–XX веков.

Тягучий кризис 2010-х годов, наша очень неэффективная политика в отношении стран СНГ, негибкая, равнодушная к потребностям бизнеса экономическая политика плюс колоссальные изменения в мире жестко подталкивают нас к новому месту: Россия – экономическая периферия. И теперь нам надо строить свою экономическую модель не так, как мы это дела-

ли в 1990-е и 2000-е – делясь с западной мир-
системой своими ресурсами и рынком, рассчи-
тывая на технологическое сотрудничество и
внешние инвестиции. Теперь нам нужна эконо-
мическая модель, которая заставит какой-то но-
вый центр увидеть в России зону, питающую
инновациями этот центр. Такого опыта у нас
еще не было (хотя он был у дореволюционной
России), да и учебники мы читали другие.

Где центр?

Сложность такого самоопределения заключа-
ется не только в нашей внутренней слабости, но и в
том, что не очень понятно, где сейчас формируется
центр миросистемы. Естественно, на эту роль на
евразийском пространстве претендует Китай, и мы,
в общем-то, готовы идти в его фарватере. Важной
компетенцией центра является разделяемая всеми
странами системы экономическая идеология. Пока
Китай такой идеологии не представляет, хотя все
активнее транслирует свои постулаты: привержен-
ность глобализации (мир открыт для торговли,
«нет» протекционизму), полезность и сила госу-
дарственного участия в экономике. Очевидно, что
российская элита вполне разделяет эти убеждения.
Однако Китай так силен и так равнодушен к свое-
му окружению, что вряд ли будет сильно озабочен
тем, чтобы Россия не стала его чистой периферией.
По крайней мере, те сделки, в которых Китай
участвует в России сегодня, в основном превраща-
ют совместные предприятия в поставщиков огром-
ных количеств несложных ресурсов, причем отда-
ваемых за долги по кредитам.

Чтобы занять более активную позицию, воз-
можно, нам стоит обратить внимание на техно-
логический блок вопросов, тем более что Китай
стремится к доминированию в этой сфере. Одна-
ко выступать широким фронтом мы не в состоя-
нии – не хватает экономической мощи, а следо-
вание только логике Китая – развитие всех форм
IT-индустрии – для нас может оказаться за-
падней: у нас нет достаточных накопленных
компетенций в этой сфере, мы не сможем в ко-
роткое время стать донорами этих технологий.

При этом с чисто экономической точки зре-
ния есть зона развития, которая крайне актуаль-
на для быстро развивающейся новой миросис-
темы. Главное отличие этой новой миросисте-

мы от предыдущей, западной, – огромная чис-
ленность населения. Причем населения, стре-
мящегося жить по более высоким стандартам.
Но для того, чтобы обеспечить такое развитие,
этой системе нужен комплекс новых индустри-
альных технологий, обеспечивающих ради-
кальное снижение себестоимости производства
изделий, а также производства энергии и транс-
портировки. Области развития такого ком-
плекса технологий могут быть аддитивные тех-
нологии, отрасли, связанные с новыми материа-
лами, широкая цифровизация энергетики и раз-
витие высокоскоростного транспорта. Нельзя
сказать, что Россия уже преуспела в этом отрас-
левом наборе, но во всех перечисленных обла-
стях у нас есть актуальные, но недоразвитые за-
делы, которые могут быть востребованы в мо-
мент, когда новая миросистема начнет следую-
щую активную фазу индустриализации.

Внутренние резервы

Только кажется, что разработка стратегии
развития русской цивилизации в миросистеме –
это сверхзадача, достойная иного, более продви-
нутого поколения и зависящая от личности
национального лидера. Хотя именно к Путину
обращена, на наш взгляд, повестка новой консо-
лидации, а предыдущий опыт «рывка» мы при-
выкли связывать исключительно с именем Ста-
лина, глубоко неверным надо считать такую пер-
сонализацию национального успеха. Во многом
поэтому сегодня возникла закупорка системы
российского госуправления, внутри которой
принято полагаться на решения «первого», а ви-
дение извне заведомо считать непродуктивным.
Дайте голос отраслевикам – и национальные
проекты наполнятся реальным содержанием.
Поддержите низкими налогами предпринимате-
лей – и они сами определяют точки национального
инновационного роста. Вдохновите интеллекту-
алов – они родят национальные идеи. Давайте на
следующей прямой линии поменяем ролями.
Пусть чиновники обзванивают «глубинный
народ» и отыщут настоящих профессионалов и
пассионариев. Вы удивитесь, какими красками
заиграет испытанный временем формат комму-
никации с президентом.

Татьяна Гурова, Петр Скоробгатый